

Россия и циркумросская политосфера X века*

Рец. на: Щавелёв А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987)
/ отв. ред. Е. А. Мельникова. – М. : Аквилон, 2020. – 560 с.

Александр Еманов

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

Rhosia and the Circum-Russian Politosphere of the 10th Century

Rev. of: Shchhavelev, A. S. (2020). *Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987)*
[The Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)] / ed. by E. A. Melnikova.
Moscow, Aquilon. 560 p.

Alexander Emanov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This review considers the concept of the Rurikid polity of the tenth century proposed by Aleksei S. Shchhavelev, Senior Researcher at the Center for Eastern Europe in the Ancient and Medieval World, Department of the History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of General History, Russian Academy of Sciences. Also, the reviewer examines its chronology and spatial structure, the genealogy of the early Rurikids, and the dynamics of their territorial power. The concept of “polity” replaces the previous notions of “Ancient Russia”, “Kievan Rus”, and “Ancient Russian State” irrelevant for pre-Christian Times. The basis for the reconstruction of the Rurikid polity in the tenth century was not so much *The Primary Chronicle* whose chronology is being criticized more and more harshly, as *The Tactica* by Byzantine Emperor Leo VI the Wise (866–912), the treatise *De Administrando Imperio* by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus (905–959), letters from Hasdai ibn Shaprut (905–975), advisor to the Caliph of Cordoba, etc. This polity emerged following stochastic fluctuations in ethno-social, event, and personal history.

Keywords: Rurikids, polity, chronotope, Rus, Rhosia, Leo VI the Wise, *The Tactica*, Constantine VII Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, Hasdai ibn Shaprut

* *Citation:* Emanov, A. (2023). Rhosia and the Circum-Russian Politosphere of the 10th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1101–1110. DOI 10.15826/qr.2023.3.836.

Цитирование: Еманов А. Rhosia and the Circum-Russian Politosphere of the 10th Century // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1101–1110. DOI 10.15826/qr.2023.3.836 / Еманов А. Россия и циркумросская политосфера X века // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1101–1110. DOI 10.15826/qr.2023.3.836.

В рецензии анализируется концепция политики Рюриковичей X в., предложенная старшим научным сотрудником центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН Алексеем Щавелёвым, разбираются ее хронология и пространственная структура, генеалогия ранних Рюриковичей и динамика их территориальной власти. Понятие «полития» вытесняет прежние нерелевантные для дохристианского времени понятия «Древняя Русь», «Киевская Русь», «Древнерусское государство». Основой для реконструкции политики Рюриковичей X в. послужили не столько «Повесть временных лет», хронология которой вызывает все большую критику, сколько «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого (866–912), трактат «Об управлении империей» правителя Византии Константина VII Багрянородного (905–959), письма советника кордовского халифа Хасдая ибн Шапрута (905–975) и др. Эта полития появилась в результате стохастических флуктуаций этносоциальной, событийной и персональной истории.

Ключевые слова: Рюриковичи, полития, хронотоп, росы, Рóсия, Лев VI Мудрый, «Тактика», Константин VII Багрянородный, «Об управлении империей», Хасдай ибн Шапрут

Новая монография Алексея Щавелёва [Щавелёв], молодого, но уже хорошо известного в исторической науке специалиста по проблемам проторусского политогенеза, подвергает радикальному пересмотру сложившиеся стереотипы ранней русской истории. Автор решительно порывает с нарративами «больших историй», транслировавшими имперские и квазиимперские, марксистско-советского формата идеологемы знания-власти, объявляет масштабную аннигиляцию рекурсивных историографических клише, выявляет полиморфное территориально-родовое устройство социального мира Приднепровской низменности и Среднерусской возвышенности X в., обнаруживает плюральные сценарии исторического развития средневекового социума этого региона. Он категорически отказывается от привычных понятий «Древняя Русь», «Киевская Русь», «Древнерусское государство» применительно к изучению дохристианского прошлого разных этнических групп Днепровского речного бассейна. Вместо них исследователь вводит аутентичный для X в. термин «полития», каковым византийские авторы обозначали любые устойчивые политические образования ойкумены. В действительности, как справедливо отмечает ученый, эти политии Восточно-Европейской равнины были лишены хоть сколько-нибудь заметных признаков государственности, являлись неустойчивыми системами самых различных по природе, характеру и содержанию коммуникаций между племенными, родовыми и клановыми группами, между генеалогическими линиями и тотемными объединениями, между линиями языковой преемственности и иными непрерывно менявшимися формами

идентичности. Ἡ πολιτεία Рюриковичей была одной из множества соперничавших между собой политий в обозначенном регионе, она оказалась наиболее жизнеспособной, сумевшей возвыситься и вытеснить конкурентов.

Притязания автора основаны на ревизии привычных, давно известных повествовательных источников русского Средневековья, активного расширения источникового фонда за счет привлечения византийских, латинских, скандинавских и восточных источников, представленных во введении. Автор осознанно дистанцируется от использования археологических источников, настаивая на демаркации исторической и археологической картин прошлого, потому что историки чересчур доверяют радиоуглеродным датировкам археологов, считая их сверхнадежными, а археологи склонны подгонять свои относительные интервальные датировки под реперные точки исторических дат, в результате условности, искажения, ошибки множатся, как снежный ком. Впрочем, нумизматические, сфрагистические и эпиграфические источники, несмотря на их обусловленность археологическими раскопками, в рассматриваемой монографии активно анализируются.

Сомасштабна источниковой фундированности и историографическая проработанность проблемы. В монографии А. Щавелёва задействовано более 900 научных работ предшественников на английском, греческом, итальянском, немецком, норвежском, польском, русском, сербском, украинском, французском, хорватском, чешском и шведском языках. Наблюдения исследователя заметно отличаются от выводов классиков российской исторической науки Александра Преснякова (1870–1929), профессора кафедры русской истории Петроградского/Ленинградского университета, Михаила Приселкова (1881–1941), декана исторического факультета того же университета, Сергея Бахрушина (1882–1950), заведующего сектором истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР, члена-корреспондента АН СССР, хотя он и позиционирует себя продолжателем заложенной ими традиции критического отношения к средневековому русскому летописанию. Ученый дискутирует с концепцией «родового сюзеренитета Рюриковичей» (*corpus fratrum*), выдвинутой Александром Назаренко (1948–2022), руководителем Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, и концепцией «союза независимых правителей» (альянса архонтов), предложенной Александром Мусиным, ведущим научным сотрудником отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН. Оспаривает он и концепт «Русского каганата» Константина Цукермана, профессора византистики Практической школы высших исследований в Париже, заявляя, что до X в. никакой Рóсии/Руси не было даже в проекте.

От критического взора автора монографии не ускользнуло почти ни одно сколько-нибудь заметное исследование по проблемам

Руси X в. Достаточно сказать, что им учтена даже курсовая работа «Норманны и Киевская Русь» Андрея Амальрика (1938–1980) [Амальрик], студента 2-го курса исторического факультета Московского университета, отчисленного в 1961 г. за обоснование норманнской теории, за ядовитые слова о трехсотлетнем «летаргическом сне» русов, за отвержение раннесредневековой русской истории VI–IX вв., за передатирование призвания Рюрика в X в. Эта работа ставшего диссидентом Амальрика оказалась в библиотеке Университета Виргинии и была опубликована только более полувека спустя.

Известным ориентиром для А. Щавелёва служит исследование Клэр Даунхем [Downham], профессора Института ирландских исследований Ливерпульского университета, по истории королевств викингов, которые справедливо рассматриваются ею как образования – изоморфные политике Рюриковичей. Вслед за британским медиевистом, но на русском материале она предпринимает реконструкцию аналитической хронологии событий, географических маркеров доминирования преемников Рюрика, просопографии окружавшей его элиты, генеалогии правящего рода, без чего история Рóсии/Руси X в. остается пересказом научным метаязыком повествований средневековых летописцев.

В главе 1 подвергаются пересмотру даты византийско-русских договоров, очень важные для реконструкции хронотопа политики Рюриковичей, то есть определения хронологических маркеров и триангуляции пространственных ориентиров. Русские летописи, в частности, «Повесть временных лет», созданная в начале XII в. и сохранившаяся в списках XIV–XVI вв., а также «Новгородская первая летопись», старший извод которой датируется XIII–XIV вв., оцениваются как искусственный и ненадежный источник, отягощенный к тому же «модернизаторской» в средневековом богословском духе дидактикой и публицистикой. Датировки «Повести временных лет» вплоть до 1061 г. мифологичны, производны от суммирования эпической продолжительности жизни героев в 33 года. Ряд фрагментов летописного нарратива является результатом вторичного историографического конструирования составителей «Повести временных лет». В результате зафиксированные в летописи договоры Олега 6415 г. и Игоря 6453 г. признаны исследователем «псевдодоговорами», каковых в реальности не было. Сочтены достоверными только два договора, и уточнены их даты – 2 сентября 911 г. между князем Киева Олегом и императором Византии Львом VI Мудрым, а также 21 июля 971 г. между киевским князем Святославом и византийским императором Иоанном Цимисхием. Описания победоносных походов русских князей на Константинополь, после которых якобы непременно заключались договоры, являются пересказами известий византийских хроник и, следовательно, должны считаться источниками сугубо вторичными. В то же время летописи отразили вполне аутентичную историческую память элиты Рóсии со всеми механизмами ее коррекции в пользу победителей.

Глава 2 посвящена анализу известий о русах в разделе “*Ναυραχικὰ*” трактата “*Тактиκά*” ромейского василевса Льва VI Мудрого, составленного в начале X в. и дошедшего до нас в манускриптах того же столетия. В самом раннем Медичейском кодексе середины X в. (Cod. Mediceo-Laurentianus Graec. 55,4) этноним «рос» не приводился, содержалось только указание на «северных скифов», однако в Амброзианском кодексе второй половины X в. (Cod. Ambrosianus B119 sup) народ «рос» обозначался как разновидность «северных скифов». Здесь возможны как допущение вставки в более поздней копии, так и механический пропуск в ранней версии. Однако, как справедливо подчеркивает исследователь, грамматически и логически запись позднего копииста выглядит ясней и определенней, поскольку этники отчетливо различались по родовым и видовым определителям: сарацины – варвары, и северные скифы – росы. Как раз росы характеризовались использованием быстрых и легких акатиев для плаваний по рекам и Евксинскому понту (Черному морю).

Глава 3 содержит тщательный разбор данных о пространстве деятельности русов в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», составленном в 952–959 гг. лично императором при участии «анонимного сотрудника» и, возможно, «анонимного архивиста». Трактат существовал в одном-единственном экземпляре, предназначался для наследника, хранился в императорской библиотеке во дворце. Текст отразил несколько помет 979 г. неизвестного читателя, сохранился в копии 1053–1073 гг., выполненной писцом Михаилом Роизаитом для кесаря Иоанна Дуки (Cod. Paris. Gr. 2009). Ученый отвергает фантазии относительно существования «архива дрома», тематических «досье», считает лакуны следствием ограниченности познаний составителя или внутренних моральных запретов на освещение военных столкновений с единоверцами. В этом тексте выявляются наиболее полные сведения о соседях росов, их центрах, доминировании над различными славянскими племенами.

В главе 4 анализируется эпистолярное наследие Хасдая ибн Шапрута, еврейского врача и советника кордовского халифа Абд ал-Рахмана III (891–961). Одно его письмо было адресовано мэлэху Хазарии Иосифу, было составлено в 956–961 гг., отразило конфликты между евреями и христианами в Византии, проведение кампании по крещению евреев в Византийской империи и организацию силового давления на Хазарию, ближайшего соседа и конкурента русов. Другое письмо было адресовано самому Хасдаю ибн Шапруту, оно было отправлено безымянным хазарским корреспондентом из Константинополя в 955–956 гг. («Текст Соломона Шехтера», или «Кембриджский документ»). В нем говорилось о миграциях евреев из Персии и Армении в Хазарию, о смешении с кочевниками-хазарами, о принятии последними иудаизма, о союзе хазар с аланами, иудаизме последних, походе «мэлэха Рóсии» Олега против хазар и аланов, поддержанного византийским императором Романом I Лакапином (ок. 870–948),

и о последующем разгроме росов, а затем и о смерти мэлэха Олега. Третье письмо сохранилось частично, адресовано Хасдаем некоей безымянной госпоже в Константинополе, которую ученый обоснованно идентифицирует с Анастасией-Феофаной, вдовой Романа II Багрянородного (938–963), оно было написано в 963–964 гг. Фрагмент четвертого письма также не сохранил имя адресата, называл только его титул по-еврейски «великий мэлэх», каковым мог быть, по заключению исследователя, император Византии Константин VII Багрянородный либо его сын Роман II; дается надежная датировка этого послания – 959–961 гг. И в том, и в другом текстах также отражается тема столкновения интересов хазар и росов.

В главах 5–6 дается обоснование авторской концепции хронотопа политики Рюриковичей X в. Оно совершенно оправданно начинается с понимания этнонима «рос»/«русь». Прежде всего это аллоэтноним, то есть не самоназвание этнополитической группы, а ее обозначение в чужих, разноязычных традициях: “οὐ Ρῶς” в византийских текстах, “Rhos” в латинских источниках, “רֹס” в еврейском эпистолярии, “al-Rūs” в арабских географических нарративах. Так называли по преимуществу группы наемных воинов скандинавского происхождения, которые либо приглашались на службу разноэтничными и разноязычными территориально-племенными общностями Восточно-Европейской равнины, либо самостоятельно обосновывались в новых землях. Насколько остра проблема происхождения этника «рос», говорят материалы дискуссии, только что состоявшейся на страницах журнала «Этнографическое обозрение». Герман Дзибель, американский антрополог, утверждает, что славянское слово «родичи» было заимствовано финнами как “rōtsi”, “rođsmen”, то есть «гребцы» и потом стало названием руси и шведов, приплывавших по Балтийскому морю [Дзибель]. Он отмечает, что термин «русь» 270 раз упоминался в «Повести временных лет» и в 260 случаях соотносился со славянами, указывал на них как на ближайших родичей. Кирилл Максимович, научный сотрудник Университета имени Иоганна Гуттенберга в Майнце, продолжает отстаивать славянскую этимологию слова «русь» из праславянского “roudsъ”, то есть «русый», «рыжий», указывая на рыжеволосость как отличительный признак групповой идентичности [Максимович]. Вячеслав Кулешов, доцент кафедры истории и мировой политики Тюменского университета, отыскивает новые аргументы в пользу скандинавской этимологии [Кулешов]. Этносоционим «рос»/«русь» произведен от древнескандинавского этимона “rōþR” и обозначает население прибрежной и островной части Упланда. Именно он, по убеждению А. Щавелева, и был передан в древнерусских источниках в кириллической форме «роусь», или «рос»/«русь».

Сегодня отрицать скандинавский фактор в истории культурного пространства от Балтийского до Черного моря X–XI вв. невозможно. Выявлены более 70 археологических памятников скандинавского

происхождения, более 1200 предметов «скандинавского» же вооружения, более 100 рунических надписей. В источниках «росы» могли соотноситься и со «свеонами», и с «германцами», и с «норманнами» («норд-маннами»), и с «варягами», и со «скифами», и со славянами. Их определяющими признаками были совершенное владение военным делом и техникой мореплавания. Трансформация руси в славянский народ в «Повести временных лет» оценивается исследователем как проекция ретроспективной реконструкции летописцем XII в., осуществленная на основе его представлений. Ученый справедливо говорит о «росах» X в. как о гибридных группах двойной идентичности: это и пришельцы-скандинавы, воспринявшие язык и культуру славян, и местные жители, инкорпорированные в вооруженные формирования скандинавов, и потомки смешанных скандинаво-славянских браков.

Полития Рюриковичей, согласно фундаментально обоснованным в монографии выводам, сложилась в Среднем Поднепровье около 900 г. Ее центром выступал Киев/Самватас. Последний ойконим древнескандинавского происхождения указывал на «место встречи лодок». В политику изначально входили субординированные территории «лендзян» (полян), угличей и древлян. Названные славянские племена находились на положении «пактиотов», обязанных платить дань росам, при этом сохраняя самоуправление. Центром полян был Киев. Главным центром угличей выступал город Пересечень, а у древлян – Коростень. Сама политика Рюриковичей в первой половине X в. находилась в подчиненном положении у Патзинакии, «кочевой империи» печенегов. Впервые как субъект международных отношений и международного права политика Рюриковичей выступила в византийско-русском договоре 2 сентября 911 г., заключенном византийским императором Львом VI Мудрым, его братом-соправителем Александром, сыном-соправителем Константином VII Багрянородным и князем Киева Олегом. К середине X в. Рюриковичи аннексировали лимитрофные земли угличей и древлян, лишили их автономии, расширили свое господство на земли дреговичей, вервян, северян и даже кривичей. Маркерами их упрочившегося доминирования стали города дреговичей Клеческ (Клецк) и Случеск (Слуцк), город северян Новгород-Северский и, наконец, Оковский лес кривичей. Новгород на Волхове, по выводам ученого, долго находился за пределами влияния киевских князей.

Во второй половине X в. господство политики Рюриковичей расширялось на Восток. Автор убедительно показал, что Святослав не воевал с хазарами на их основной территории и уж тем более не уничтожал Хазарию. Он аннексировал лишь одну пограничную крепость – Белую вежу / Саркел, дабы подчинить своей власти вятичей, данников Хазарии. Победы Святослава над ясами-аланами и касогами, племенами Восточного Причерноморья, интерпретируются в контексте борьбы за Саркел, когда аланы, исповедовавшие

то христианство, то иудаизм, и касоги, союзники хазар, подошли на его защиту на стороне Хазарии. Отмечаются контакты росов на Востоке с Черной Булгарией с центром в Суваре и Серебряной Булгарией со столицей в Булгаре.

В главе 7 уточняется хронология правления Рюриковичей языческой эпохи. Опорными хронологическими ориентирами истории политики Рюриковичей выступают, помимо византийско-русского договора 911 г., поход князя Игоря 941 г., поездка княгини Ольги в Константинополь в 946 либо 957 г., война князя Святослава с болгарами и византийцами на Балканах 968–969 гг., договор князя Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием 971 г. и, наконец, принятие христианства киевским князем Владимиром в 987 г. Собственно говоря, начальная и конечная даты и определяют хронологические рамки всего монографического исследования.

Весьма ценными видятся наблюдения А. Щавелёва о речной и морской навигации росов, использовавших широкий арсенал средств плавания того времени. Среди них были и скафидионы, лодочки, челноки, усовершенствованные росами с помощью уключин, весел, рулей, румпелей, мачт и парусов, и византийские памфилы, разновидность дремонов для перевозки воинов и коней, и средиземноморские каравии, и акатии, и моносилы, однодеревки и др.

Аргументацию исследования усиливают тщательно продуманные приложения – верифицированные даты истории политики Рюриковичей X в., генеалогия Рюриковичей X в., карты политики Рюриковичей начала X в. и середины X в. По-новому организованы библиография без привычного разделения на источники и литературу, а также указатель без традиционного дробления на личные имена, топонимы и *index rerum*.

Признавая значительный потенциал рассматриваемой монографии в обновлении существующего знания по проблемам проторусского политогенеза, хотелось бы высказать некоторые замечания.

Прежде всего они касаются классификации этносов Львом VI Мудрым в его «Тактике», где характеризовались сарацины и скифы (с. 91–95). Автор верно замечает, что этниканы включали родовые и видовые индикаторы, однако их фиксация противоречит логике. В реальности и сарацины, и скифы считались варварами, но не в античном контексте, как противостоявшие эллинам или римлянам, а уже в обновленном средневековом осмыслении – как противостоявшие христианам. Подлинное различие между ними было географическое: скифы – северные варвары, а сарацины – южные варвары.

Затем относительно множественности Патзнакии (Печенегии) в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного, которая делилась на 8 фем и на 40 частей (с. 262). Число «40» в данном случае выступало не указанием на 40 родо-территориальных единиц, а просто на их множество. Это универсальный троп, встречавшийся повсеместно в домодерновых культурах: 40 номов

Древнего Египта, 40 сатрапий Месопотамии, 40 крепостей средневекового Крыма, даже 40 городов дорусской Сибири.

Зачастую автор по инерции, принятой у историков-русистов, использует для обозначения византийского источника «Повести временных лет» название «Хроника» Георгия Амартола (с. 68, 85), однако этот византийский хронист жил веком раньше и завершил свой жизненный путь в 872/873 гг. [Afinogénov]. В действительности именем Георгия Амартола подписаны более 30 сохранившихся византийских хроник, основанных на его тексте и содержавших дополнения анонимных хронистов последующего времени. В данном случае речь могла идти только об одном из продолжателей Георгия Амартола. По X в. основным источником для древнерусских летописцев начала XII в. был, конечно же, один из вариантов «Хроники» Симеона Магистра и Логофета.

Встречаются и мелкие погрешности. Скажем, фамилию основоположника византийской дипломатики, многолетнего директора Института византиноведческих исследований Мюнхенского университета Franz Dölger (1891–1968) лучше бы было транскрибировать по-русски как «Дельгер» (с. 15). Или другой пример: в указателе отсутствует Булгар, хотя в тексте этот топоним встречается (с. 167). Или еще один казус: у византийского императора Константина X Дуки (1006–1067) после его смерти остались сыновья Михаил VII Дука (1050–1090) и Констанций Дука (1060–1082), а не Константин, да еще с тем же порядковым номером (с. 118).

Впрочем, высказанные замечания носят частный характер, касаются, по сути, технических, инструментальных моментов. В целом монография А. Щавелёва без сомнения представляет собой принципиально новую всесторонне обоснованную концепцию генезиса одной из самобытных и обладавших высокой жизнеустойчивостью политий Восточной Европы.

Библиографические ссылки

Амальрик А. А. Норманны и Киевская Русь / публ., предисл. и коммент. О. Л. Губарева. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 280 с.

Дзибель Г. В. О происхождении этнонима *русь* и рода Рюриковичей: взгляд на славяно-финно-скандинавское культурное пограничье IX–XI вв. с позиции антропологии родства // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 79–98. DOI 10.31857/S086954150016700-0.

Кулешов В. С. Еще раз о происхождении этносоционима *русь* // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 106–110. DOI 10.31857/S086954150016702-2.

Максимович К. А. *Rodiči – ruotsi – *русь*: критические заметки к новой этимологии старого этнонима // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 99–105. DOI 10.31857/S086954150016701-1.

Щавелёв А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987) / отв. ред. Е. А. Мельникова. М. : Аквилон, 2020. 560 с.

Afinogénov D. Le manuscrit Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine // Revue des études byzantines. 2004. Т. 62. P. 239–246. DOI 10.3406/rebyz.2004.2294.

Downham C. Viking Kings of British and Ireland. The Dynasty of Ívarr to A. D. 1044. Edinburgh : Dunedin Academic Press, 2007. 261 p.

References

Afinogénov, D. (2004). Le manuscrit Coislin gr. 305: la version primitive de la Chronique de Georges le Moine. In *Revue des études byzantines*. Vol. 62, pp. 239–246. DOI 10.3406/rebyz.2004.2294.

Amal'rik, A. A. (2018). *Normanny i Kievskaya Rus'* [Normans and Kievan Rus] / publ. by O. L. Gubarev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p.

Downham, C. (2007). *Viking Kings of Britain and Ireland. The Dynasty of Ívarr to A. D. 1044*. Edinburgh, Dunedin Academic Press. 261 p.

Dzibel', G. V. (2021). O proiskhozhdenii etnonima *rus'* i roda Ryurikovichei: vzglyad na slavyano-finno-skandinavskoe kul'turnoe pogranich'e IX–XI vv. s pozitsii antropologii rodstva [On the Origin of Ethnonym *Rus'* and of the Rurikid Lineage: A Look at the Slavo-Finno-Scandinavian Frontier of the 9th–11th Centuries from the Point of View of Kinship Studies]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 79–98. DOI 10.31857/S086954150016700-0.

Kuleshov, V. S. (2021). Eshche raz o proiskhozhdenii etnosotsionima *rus'* [Once again on the Origins of the Ethnonym-Socionym *Rus'*]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 106–110. DOI 10.31857/S086954150016702-2.

Maksimovich, K. A. (2021). **Rodiči – ruotsi – rus'*: kriticheskie zametki k novoi etimologii starogo etnonima [**Rodiči – Ruotsi – Rus'*: Critical Notes to the New Etymology of an Old Ethnonym]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 99–105. DOI 10.31857/S086954150016701-1.

Shchhavelev, A. S. (2020). *Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987)* [The Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)] / ed. by E. A. Melnikova. Moscow, Aquilon. 560 p.

The article was submitted on 15.04.2022